

УДК 578.4(571.53)(092) Олтаржевский
ББК 74.58(2Р54)

Воспоминания студента-«пятидесятника»

В. П. Олтаржевский

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье представлены мемуары профессора В. П. Олтаржевского о времени обучения на историко-филологическом факультете Иркутского государственного университета в 1950-е гг. Мемуарная записка отражает характер эпохи, знакомит читателя с преподавателями и студенческой жизнью тех лет.

Ключевые слова: мемуары, студенчество, Иркутский государственный университет, историко-филологический факультет, 1950-е гг., преподаватели.

Мои студенческие годы падают на середину 50-х годов. Можно заметить, на переломной (очередной!) период в нашей истории, который включает в себя смерть И. В. Сталина и XX съезд КПСС. Однако не скажу, что вся студенческая жизнь сразу же стала другой. Конечно, появилось что-то новое, необычное (например, обсуждение «закрытого» доклада Н. С. Хрущева). Мы не заикливались на окружающих обстоятельствах, хотя регулярно обменивались мнениями о них, по-разному реагируя на события внутри страны и за ее пределами. Это была прекрасная пора, немного беззаботная и много больше полная ожиданий.

Учились мы все в одном корпусе на Вузовской набережной, так славно тогда назывался бульвар Гагарина, 20, где сейчас располагаются физики и математики университета. А тогда мы «делили» три этажа не только с ними, но и с химиками, биологами, геологами, географами. Только юристы «жили» отдельно в здании быв. канцелярии генерал-губернатора, где располагались также, кажется, адмхозчасть и еще какие-то службы. Было тесно, но мы как-то этого не замечали. Некие отрицательные впечатления появлялись тогда, когда иностранные языки проходили у нас в лабораториях химиков (это было, как правило). Надо заметить, что учились мы всегда во вторую смену, после того как химики и физики завершали цикл своих практикумов.

Оглядываясь на те годы, больше всего изумляешься тому, что весь ректорат, учебная часть и бухгалтерия размещались в нескольких комнатах первого этажа (в основном, в правом крайнем углу, если стоять лицом ко входу в здание). В пристрое к левому крылу располагалась военная кафедра, к которой прилегал территория почти до современных сооружений спорткомплекса «Труд», состоявшая из парка артиллерийских орудий и плаца.

У историков была одна «своя» аудитория на втором этаже – 72-я (ныне 216 А). Там размещались обе кафедры, всеобщей истории и истории СССР, и

учебный кабинет, в котором проходили спецкурсы и спецсеминары, а иногда лекции и семинары по основным курсам. В «кабинете истории» стояли шкафы с книгами, «горка» с картами, альбомы и другие пособия.

Основы марксизма-ленинизма (вместо этой дисциплины затем была введена история КПСС), диалектический и исторический материализм, политическая экономия капитализма и социализма читались «поточно» студентам соответствующих курсов, которые имели занятия в данную смену. Для этого чаще всего использовалась самая большая аудитория – 70-я (она же актовый зал, там была сцена и другие приспособления; сейчас эта аудитория 216 Б и В). Лекции проходили также в аудиториях 64-й и 65-й на втором этаже, оформленных амфитеатром (сейчас аудитории 225 и 223 соответственно). Во всех аудиториях были классные доски черного цвета, которыми многие преподаватели нашего факультета активно пользовались. На занятиях у нас, историков, почти всегда висели соответствующие карты, и лектор был «вооружен» указкой, а не только мелом. Изредка наши лекции и семинары проходили в аудиториях биологического факультета на третьем этаже. Они нам нравились, так как были светлыми и нарядными (много цветов и растений в больших ящиках, картины с пейзажами Байкала). Так как в то время на «пары» отводилось строго по 45 минут, то перемены были «маленькие» – пятиминутки, между «половинками» пары, и большие (по-моему, они длились минут 15). Вспоминается своеобразный обычай того времени: каждую большую перемену по длинному коридору, как правило, второго этажа студенты прогуливались или стояли, беседуя, вдоль стен и на большой лестничной площадке. Наверное, это было «наследство» от бывшего института благородных девиц. Можно было поговорить, присмотреться друг к другу (особенно когда появлялись первокурсники), познакомиться. Не припомню, чтобы кто-то в массовом порядке выходил на крыльцо университета «на перекур». Такое впечатление, что курильщиков было немного, а девушки на нашем факультете, по-моему, вообще не курили. Это, кстати, подтверждалось и во время знаменитых студенческих сельхозработ каждый сентябрь, а иногда и часть октября.

Не могу не отметить еще одну обыденность моих студенческих лет – мы почти ежедневно (для историков это означало – с утра), а иногда в субботу и воскресенье занимались в читальных залах научной библиотеки университета, в нашей любимой «фундочке» (от – Фундаментальная научная библиотека ИГУ). Тогда получить любую книгу, имеющуюся в библиотеке, было несложно и недолго, так как книгохранилище было рядом с Белым Домом в длинном одноэтажном здании, тянувшемся вдоль улицы К. Маркса от задней стены библиотеки (раньше в нем размещались конюшни генерал-губернатора, сейчас на этом месте площадка перед вторым корпусом университета). В библиотеке мы готовились к семинарам, писали доклады, курсовые и дипломные работы. Увы, то время ушло. Сейчас другие источники и способы получения информации, наверное, более удобные, мобильные, с неисчерпаемыми возможностями. Но... библиотеку, книгу заменить очень трудно, наверное, невозможно.

За «наши» пять лет состав преподавателей исторического отделения историко-филологического факультета почти не менялся. Это Сергей Владимирович Шостакович, Федор Александрович Кудрявцев, Иосиф Вячеславович Арембовский, Всеволод Иванович Дулов (он был совместителем), Илья Иннокентьевич Кузнецов, Виктор Трофимович Агалаков, Семен Федорович Коваль, Елена Марковна Даревская, Григорий Семенович Мальцев, Нина Дмитриевна Овсянникова. Завкабинетом и лаборантом кафедр была Матильда Петровна Петрушина, которая также руководила у нас практиками: историко-ознакомительной (поездка в Москву и Ленинград) и педагогической в школе. Иностраный язык (я изучал немецкий) вела у нас Нина Степановна Рябинина. Марксистско-ленинскую идеологию привить нам призваны были преподаватели общественных наук. Они это делали добросовестно, со знанием дела, хотя, как я теперь понимаю, сугубо догматически, редко давая себе возможность отойти от установленных правил. Тогда иначе и быть не могло. Из них мне больше всего запомнилась Анна Степанова Лукашевская, которая на первых курсах вела основы марксизма-ленинизма.

Естественно, что больше всего мы были привязаны к «своим» преподавателям. За пять лет отношение к ним менялось от чисто школьного к профессиональному. Были «шоки», сразу же захватывающие впечатления. Первенствовал здесь, конечно, Сергей Владимирович Шостакович. Он был невероятно энергичным, собранным, умевшим держать аудиторию в состоянии внимания и интереса. Четким красивым почерком он писал труднопроизносимые имена фараонов Египта, правителей Шумера и Аккада, вавилонских и ассирийских царей, при этом удивительно удобно располагая их на черном поле доски. Излагая события древнегреческой и древнеримской истории, он приводил примеры использования греко-латинских терминов в истории следующих эпох, в политическом лексиконе современности, изречения известных деятелей той эпохи, цитировал отрывки из исторических и литературных произведений. С. В. пленял нас своей эрудицией, блестящим лекторским мастерством, даже своей безукоризненно академической внешностью и интеллигентностью. Мне кажется, все мои сокурсники были влюблены в него, а мы, менее прекрасная часть курса, очень гордились, что у нас есть такой преподаватель. Первые, «первокурсные» впечатления от С. В. Шостаковича дополнялись в дальнейшем на занятиях по труднейшему предмету – истории стран Востока, которую он читал с неменьшим блеском. Но наше неизменно восхищенное восприятие его лекций уже дополнялось личными профессиональными наклонностями и привязанностями. Я же, один из немногих моих однокашников, с первых курсов мечтал быть учеником С. В., и очень рад и горд тем что, в какой-то мере, им стал. Во всяком случае, неизменно считаю себя таковым.

Мы очень любили занятия Федора Александровича Кудрявцева, который читал тогда много лекционных курсов, в том числе историю средних веков, историю южных и западных славян, историю Сибири. Наверно, ему недоставало блеска С. В., но он подкупал сопереживанием излагаемому материалу, порой эмоциональным отношением к нему. «Дядя Федя», как мы его уважительно называли за глаза, мог рассказать какой-нибудь забавный эпи-

зод и вместе с нами смеяться до слез, напеть куплеты вагантов, с выражением прочесть отрывок из проповедей таборитов и поэзии Адама Мицкевича. Задерживаясь после занятий, он научил нас студенческим гимнам и песням прошлого – «Гаудамус игитур», «Из страны, страны далекой...», «Веверлей» и др.

Мы были не очень внимательны на лекциях Иосифа Вячеславовича Арембовского (он читал нам основы археологии и историю первобытного общества). По-детски, бессовестно пользовались тем, что он плохо слышал, но большинство из нас писали конспекты и скоро поняли, что в понимание начала истории цивилизации ввел нас именно он. Я сохранил свои записи лекций И. В. Арембовского, неумело оформленные, не совсем полные, и с удовольствием листаю их, невольно возвращаясь мысленно в те годы.

Популярными были лекции по истории России XIX века, которые читал у нас Всеволод Иванович Дулов на 3-м курсе. Мы ценили глубину, обстоятельность анализа внутренней и внешней политики России «золотого века», его остроумие, умение сохранить внимание слушателей все два часа.

Из сложных предметов, которые вел у нас Илья Иннокентьевич Кузнецов (история России эпохи раздробленности и создания Московского царства, возникновение империи, источниковедение истории СССР, спецкурсы), мы особенно любили спецкурс по истории Великой Отечественной войны. Он доводил до нас такие детали тех героических и трагических лет, о которых в то время мы не могли прочитать, со знанием дела рассказывал о крупнейших операциях войны, о наших блестящих полководцах. Несомненно, свою роль в отношении к этому спецкурсу сыграло и то, что речь шла об относительно недавних событиях, а мы все были «детьми войны».

Наш профессионализм формировался и совершенствовался на семинарских занятиях и спецсеминарах, которые вели Елена Марковна Даревская и Семен Федорович Коваль. Умение работать с документом, тщательно проникнуть в его суть и составить представление о времени и участниках событий, выработка мнения, опирающегося на достоверные факты, – этому они нас учили.

Каждый из наших преподавателей внес свой вклад в становление нас специалистами-историками, дал нам базу для нашей последующей работы. Скромный объем статьи лишает меня возможности сказать здесь обо всех. В памяти остались лекции Г. С. Мальцева по новой и новейшей истории стран Запада, которую он читал спокойно, внешне бесстрастно, но мы с первых занятий оценили их обстоятельность и глубину. В. Т. Агалаков дал нам основательные знания советской истории, начиная с гражданской войны и до послевоенных лет.

Учеба, при всем подчеркивании ее первоочередности в то время, оставляла какое-то время и для другого – мы работали в историческом кружке, участвовали в конференциях НСО, давали информацию для многотиражки «За научные кадры» (она стала выходить в год нашего поступления в университет, а с осени 1957 г. получила название «Иркутский университет»), в радиогазету университета, были в меру активными комсомольцами, некоторые приобщались к художественной самодеятельности. Проводились у нас и вечера, чаще в нашей большой 70-й аудитории, центр которой освобождали для танцев, реже в арендованных помещениях ТЮЗа или Дома офицеров. На

старших курсах иногда мы могли попасть на «вечер танцев» в мединститут, фининститут и даже в дошкольное педучилище (оно тогда располагалось в нынешнем Доме дружбы). Бывали развлекательные мероприятия и в общежитиях ИГУ. Там же порой проводились и товарищеские застолья. Историки тогда в основном жили в общежитии по ул. Пятой Армии в здании Харлампиевской церкви, которая была перестроена для этой цели. Помню, что комната, в которой жили юноши, историки и филологи, располагалась в алтарной части храма, а девичья комната – в выделенном наверху помещении слева от входа. Вот так мы невольно брали грех на душу, оскверняя храм Божий.

Я все годы учебы жил дома, в Ново-Ленино, поэтому в общежитие заходил только иногда, «по случаю». Жизнь в пригороде имела свою специфику для студентов всех вузов Иркутска – привязанность к пригородным поездом (других средств транспорта в то время не было на этой линии).

Особенно сложно было тем, кто учился во вторую смену, как мы, историки. Опоздание на «передачу» (так назывался пригородный поезд на паровозной и локомотивной тяге, предшественник электрички) грозило поиском пристанища у сокурсников или поездкой на подножке товарняка, а то и пешей прогулкой в семь километров «по шпалам». Зато вагоны пригородного были наполнены студентами из Ново-Ленино, Ленино, авиазавода и других окрестных поселений. Было шумно, весело, и дорога казалась незаметной. От вокзала до университета добирались чаще всего пешком, так как автобусов и трамваев было мало, ходили они не очень регулярно и были переполнены.

В пятидесятые годы историков готовил историко-филологический факультет (в 1953–54 учебном году вместе с юридическим входил в состав гуманитарного факультета общей численностью более семисот студентов). Одним из отделений истфила было историческое, каждый курс которого состоял из одной учебной группы разной численности. На моем курсе училось 29 студентов, так что, думаю, все отделение в те годы насчитывало чуть более 100 человек. Большую часть моих студенческих лет деканом историко-филологического факультета был доцент кафедры основ марксизма-ленинизма Алексей Герасимович Солодянкин, не очень образованный, как мы чувствовали, человек, но с авторитарными замашками. Он любил подчеркивать, что он «из простых сапожников». Не знаю, было ли это искренней гордостью за свое «классовое происхождение» или просто стремлением обратить внимание на свой профессиональный рост. Откровенно говоря, не помню, чтобы мы сильно страдали от его самоуправства, скорее, нас иногда коробила его грубость и бесцеремонность. Вспоминая Алексея Герасимовича сейчас, я почему-то уверен, что по натуре он был мягкий человек, страдавший от своей ответственности и, в то же время, гордившийся ею.

Наша студенческая группа была, в основном, «девичьей»: из 29 человек юношей насчитывалось только шестеро, и все разновозрастные. Был у нас даже участник войны – светлой памяти Леонид Петрович Назаров, лейтенант, начавший учебу в 27 лет. Кажется, он был семейный человек, и, совершенно точно, партийный, таких на факультете были единицы. Однако мы этой разницы не ощущали – Леонид не пользовался никакими привилегиями, учился самозабвенно, а во время сельхозработ был вместе с нами, как говорится, в

труде и отдыхе. Я был самым юным в нашем мужском «секстете» – Леня был старше меня на десять лет, а в этом возрастном промежутке были начавшие учебу в 18 и 20 лет. С нашими сокурсницами мы были в самых добрых, товарищеских отношениях, безо всяких «романов». Только в самом конце учебы сложилась у нас единственная семейная пара – Лева Солотов (наш авторитет, умница, философ по натуре) и Нэля Помазанова (очень старательная и ответственная, неизменно хорошо учившаяся, симпатичная и скромная). Девушки были очень разные, естественно, по способностям и результатам учебы, по общительности и активности и уж, конечно, по внешности и успехам у противоположного пола. В «моде» тогда были «наши» университетские геологи и парни из горнометаллургического института. Мы редко собирались вне учебы вместе. Помню единственный случай, когда мы на 5-м курсе отмечали Первое мая почти в полном составе на квартире у Лилии Кац. Лиля была постоянной отличницей, но болезненной девочкой, она первой из нашего курса покинула этот бранный мир в начале 60-х годов. Я уже говорил о нашем общении в общежитии, но это тоже было довольно редко, во всяком случае, для меня, жившего в пригороде и вечно привязанного к транспорту.

Большинство из моих сокурсников стали школьными учителями, разъехавшись «по распределению» по Восточной Сибири, Дальнему Востоку и Якутии. Несколько человек работали в школах Иркутска. Абсолютно уверен, что все они стали профессионалами высокого уровня, так как к учебе относились ответственно – не помню никого, кому было бы присуще безразличие, равнодушие к результатам.

В другие сферы «общественно-полезной деятельности» из нашего курса, насколько я знаю, попали немногие. Несколько человек стали вузовскими преподавателями. Я по распределению был направлен на работу в Иркутский областной краеведческий музей. Но это уже, как говорится, другая история...

Student of the 50-s' Memoirs

V. P. Oltarzhevsky

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the Professor V. P. Oltarzhevsky's memoirs about period of studies at the Faculty of History and Philology of the Irkutsk State University. The memoirs reflect the epoch features and introduces the professors staff and students's life of that time.

Key words: memoirs, students, the Irkutsk State University, the Faculty of History and Philology, 1950-s, professors.

Олтаржевский Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета, 664011, Иркутск, Нижняя Набережная, 2/22, (3952) 24-35-16, e-mail: mimo@hist.isu.ru

Oltarzhevsky Vladimir Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, the Faculty of History, the Irkutsk State University, 664011, Irkutsk, Nizhnaya Naberezhnaya., 2/22, (3952) 24-35-16, e-mail: mimo@hist.isu.ru